

видно, в результате брачных связей ханты перешли на мансийский язык. При анализе родословных выявляется, что у многих из них жены были из обских селений, которые населяли и населяют манси (Неромово, Проточное, Лапоры, Нарыкары, Новинские). Кроме того, рассматриваемая группа людей оказалась расселенной между манси и хантами, и, вероятно, в какой-то момент мансийское население превысило хантыйское.

Представители всех вышеперечисленных фамилий из группы *Ялпус махум* почитали духа *Консынг ойка* 'Когтистый мужчина'. Рассмотренные нами материалы свидетельствуют о том, что в этой локальной группе духи-покровители находились в определенных родственных отношениях. Дух-покровитель манси Шадриных *Кук-кук эка* 'Женщина кукушка' из сел. Проточных была дочерью *Най эки* 'Женщины огонь' духа-покровителя Костиных и Савиных из сел. Комудваны. *Най эка* – дочь *Нёр ойки* 'Торы-старика'. Далее, дух-покровитель *Най эка* была женой духа-покровителя *Мань Отыра*

'Младшего богатыря', или *Мир суснэ хума* 'За миром следящего человека'.

Кроме того, все члены группы *Ялпус махум* являются обязательными участниками медвежьих игр-риц. По крайней мере, они должны присутствовать при открытии праздника (первые семь дней) и при его закрытии. Последними хранителями *Консынг ойки* 'Когтистого мужчины' и его священного дома были Костины. Семейный дух-покровитель Савиных *Павлынг ойка* на ритуальных медвежьих играх был почетным гостем, без него не начинали праздник. Шадрины обязательно должны были присутствовать в ночь, когда на пляски призывали *Най эку* 'Женщину огня', так как их дух-покровитель Шадриных *Кук-кук эка* 'Женщина кукушка' является дочерью *Най эки*. Таким образом, представители территориальной (вежакорской) группы *Ялпус махум* 'Люди священного городка' были связаны не только общей территорией, но и родством духов-покровителей.

Поступила в редакцию 07.11.2006

Литература и источники

1. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске». Ф. 154. Оп. 8. Д. 273.
2. Там же. Д. 404.
3. Там же. Д. 992.
4. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. Ф. 461. Оп. 1. Д. 15.
5. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
6. Бардина Р.К. Люди рода Ялпус (Ялпус махум) // Мат-лы V Югорских чтений «Медведь в культуре обско-угорских народов». Ханты-Мансийск, 2002.
7. Ethnographisch-geographische Karte des Nordischen Ural Gebiets. Entworfen auf einer Reise in den Jahren 1844–1845 von A. Reguli. SPb., 1846 // Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény I–IV. Bd. IV/1. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest, 1896.
8. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.

УДК 398.4

С.С. Успенская

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАРОДА ХАНТЫ В ФОЛЬКЛОРЕ И ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Белоярский филиал Обско-угорского института прикладных исследований и разработок

Ханты – один из коренных малочисленных народов Сибири, широко расселившихся в бас. средней и нижней Оби. В царской России народы Севера и Сибири назывались по-разному – туземцы, инородцы, ясячные люди [1, с. 127–142], а также по многочисленным самоназваниям и наименованиям, данным соседними народами.

По отношению к народу ханты в документах царской администрации и в старой научной литературе использовался термин «остяки». Этнонимы остяк и вогул (манси) и сегодня нередко встречаются

в трудах зарубежных исследователей. Этим названием пользовались и другие народы, контактирующие с хантами – русские, татары, коми-зыряне. Остяками прежде назывались также и соседствующие с ними народы – селькупы и кеты.

Происхождение термин «остяк» имеет разные объяснения. Одни выводят его из татарского *истек*, *уштяк*, *иштек*, что означает «дикий», «невежественный», «непокорный» (см.: [2, с. 234]). Содержание этих понятий носило явно пренебрежительный оттенок по отношению к народу с его самобытной

архаической культурой. Сами же ханты употребляли собственные самоназвания, отражающие их особую систему мировоззрения. Существует и другая точка зрения на происхождение данного этнонима, изложенная, в частности, З.П. Соколовой. Слово «остяк» выводится из самоназвания *Ас-ях* 'обские люди' (*Ас* – Обь, *ях* – люди). Гидроним *Ас* в древности мог означать большую реку, на основании чего высказывается предположение, что «*ас-ях* – это древнее самоназвание людей, живших на этих больших реках» [3, с. 46–47]. Согласно древним преданиям, в названиях таких крупных рек, как Енисей, Иртыш, на хантыйском и мансийском языках фигурирует термин *ас*. Как отмечают исследователи, остяками в далеком прошлом могли называться племена древней уральской культуры, население которой легло в основу сформировавшихся позднее хантов, манси, селькупов, кетов, ненцев. Расселялись эти племена на огромной территории: от западных склонов Урала до Енисея на востоке и от низовьев Оби на севере до степей Казахстана на юге [4].

Современное официальное название «ханты» стало утверждаться в 1930-е гг., произошло оно от исконного самоназвания северной группы этноса *ханты* (восточные называют себя аналогично *кантэк* или *кантэх*, южные – *хандэ*) [5, с. 123]. В понимании народа это этническое наименование означает «человек», на русский язык этот термин переводится чаще как ханты, т.е. представитель народа ханты и как собственно человек (независимо от его этнической принадлежности). На хантыйском языке преимущественно имеют место словосочетания *ханты ёх* и более позднее – *ханты мир*, которые подразумевают общее понятие «хантыйский народ (люди)». В советское время был создан Ханты-Мансийский национальный/ автономный округ (первоначально он назывался Остяко-Вогульским), и с тех пор все официальные дела ведутся с использованием этнонима ханты. В 1933 г. в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР перечислены 22 народа с современными названиями, в этот список вошли также ненцы, манси и ханты [6, с. 118].

Помимо этого официального этнического наименования, исследуемый народ имеет еще несколько названий. Так, в научном мире родственные народы ханты и манси издавна известны под общим названием «обские угры». По наиболее общей классификации специалисты разделяют хантыйский народ на три большие группы: северные, восточные, южные. Лингвисты выделяют в хантыйском языке множество диалектов, перечислим некоторые из них: обдорский, сынский, казымский, шурышкарский, иртышский, кондинский, салымский, сургутский и др. (см., напр.: [7, с. 59–60]). Нередко в современной науке различные группы народа ханты идентифицируются с названиями диалектных (говорных) групп,

подобные наименования используются и в разговорной речи народа.

В народной памяти на протяжении многих эпох хранится информация, связанная с этническими самоназваниями. Так, деление северных хантов на две большие экзогамные группы *Мощь* и *Пор* находит яркое отражение в фольклоре. До настоящего времени в традиционном обществе северных хантов (в частности в казымской территориальной группе) существует деление на *Пур ёх* 'народ (люди) Пор' и *Мощь ёх* 'народ (люди) Мощь'. Впервые на родовую экзогамию обских угров обратил внимание В.Ф. Зуев [8, с. 190]. Об этом писали также М.А. Кастрен, А.М. Золотарёв, В.Н. Чернецов, Е.П. Мартынова и др. А.М. Золотарёв в своей работе отмечает, что «Пор-йох... фратрия Земли, а не неба... напротив того, Мось-йох считают себя Небесным родом, Небесными людьми» [9, с. 227]. На реках Сыня и Куноват группа *Мощь* считается более древней («чистой», «местной»), нежели *Пор* [10, с. 103]. Обе группы людей в местном фольклоре осознаются пришельцами. По представлениям северных хантов, *Мощь ёх* появились здесь раньше народа *Пор*. Люди же *Пор*, по старинным рассказам, прибыли на плотах во время «огня и воды», т.е. потопа и расселялись в основном по протокам. Некоторые предания объясняют происхождение термина *Пор* так: «Приплывших на плотах людей называли *нобтын ёх* – 'приплывший народ' или *пор ёх* 'люди плотов'» [10, с. 102]. Согласно преданиям, *Мощь* считались прибывшими с запада, *Пор* – с юга [10, с. 101]. По мнению исследователей, специального термина для обозначения фратрии у обских угров не существует. Обычно в значении «фратрия» употребляются слова *махум* у манси и *сир* у хантов: например, *Торум сир ёх* Торума народ (люди), *Пути сир ёх* Медведя народ (люди). Несмотря на то, что здесь отсутствуют термины *Мощь* и *Пур*, для носителей культуры ясно, что речь идет о двух группах народа, возводящих свою генеалогию к небесному и земному происхождению. У восточных хантов отмечены три родовые экзогамные группы *сир* – Медведя, Лося и Бобра, соответственно этому и назывались их представители [11, 12 и др.]. В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина отмечают у васюганско-ваховских хантов такие социальные единицы, как *поч*, *пуч* в значении 'порода' [13, с. 190].

Различают хантыйский этнос также и по крупным территориальным группам. Обычно эти объединения именовались по названиям рек, например: *Касум ёх* 'казымские люди (народ)'; *Ас ёх* 'обские люди'; *Сеня ёх* 'сынские люди'; *Мосум ёх* 'Назымские люди'; *Кунават ёх* 'Куноватские люди' и т.д. Как видно из приведенных примеров, в хантыйской традиционной культуре существовали такие этнические понятия, как *ёх* 'народ (люди)'. В свою

очередь эти территориальные группы распадаются на ряд более мелких, которые отождествляются с названиями притоков, озер, других топонимических объектов, близ которых проживает население. Например, *Помат ёх* 'Помутские люди'; *Вуркум ёх* 'Выгримские люди'; *Ай хар сангхум ёх* 'люди Маленького открытого яра' (название юрт в среднем течении р. Казым); *Питлор ёх* 'Чёрного сора люди' и т.д.

Представители народа именовались также по многочисленным названиям социальных (генеалогических, родовых) групп, в которых отражены представления о происхождении той или иной группы. Так, на Казыме по сей день широко распространены хантыйские самоназвания родов *Похранг ёх* (Вандымовы), *Хар сурт ёх* (Рандымовы), *Муцанг ёх* (Лозямовы), *Нерса ёх* (Тарлины) и многие другие. Следует отметить, что то или иное родовое самоназвание не всегда совпадает с определенной фамилией. Так, носители фамилии Тарлин представлены ещё двумя самоназваниями на Казыме: *Кев дух ёх* и *Вухсар ёх*. В то же время в одну генеалогическую группу могли входить представители семей, носивших разные фамилии. Так, к *Муцанг ёх* относятся на Казыме Лозямовы, Григорьевы, Харанзеевы, на Оби – Юхлымовы, Иныревы, Пендаховы. По нашим сведениям, старшие представители этих фамилий в настоящее время осознают себя кровными родственниками. Они считают, что все *Муцанг ёх* ведут свое происхождение от одного первопредка: «*Мунг йи лэр эвалт мансув* 'Мы с одного корня пошли'». По сообщению пожилых информантов, представители этих фамилий являются между собой братьями и сестрами. «*Мунг йис рута воллув, кутэвн мунг хулыева йит-апцет*. 'Мы живем (являемся) древними (давними) родственниками, между собой мы все братья'», – говорят они. В бассейне рек Сыня и Куноват известны хантыйские рода с названиями *Питлор ёх* 'Чёрного сора народ' (носители фамилий Хартаганов и Ругин), *Сорт юган ёх* 'Щучьей реки народ', включающий фамилию Русмиленко (другое их название – *Кушеват ёх* 'Кушеватские люди') [10, с. 108, 184].

Как показывают опубликованные данные и наши полевые материалы, родовые названия были связаны с тотемным животным, с именами богатырей-первопредков, а также с прозвищами, отражающими те или иные особенности внешности или характера. Подобные категории родовых имен отмечали В.Н. Чернецов, А.Ф. Анисимов. В. Штейниц добавляет к ним родовые имена географического происхождения и имена, связанные с происхождением от других народов [14, С. 127, 128].

Сохранились в народе и этнонимы, связанные с местом рождения или проживания. Например, на р. Помут известны *Йилти ёх* 'Ильбигортские люди',

т.е. люди Ильбигортских юрт. Так называли представителей древних хантыйских родов на среднем Казыме – Рандымовых, Лозямовых, Аликовых, которые, согласно родовым преданиям, ведут свое происхождение с этих мест. Здесь в одном, общем наименовании отражается объединение жителей одного поселения, история совместного проживания нескольких хантыйских родов. Носителей фамилии Молданов в народе называют *Вошанг ёх* 'Люди городка (селения)'; это означает, что они являются выходцами с верховьев р. Казым. Данный этноним объясняет историческую связь рода Молдановых с духом-охранителем селения Юильск (хантыйское название *Вут-вош*) и его окрестностей. При этом одна из ветвей рода Молдановых носила историческое самоназвание *Макишум ёх* 'Максима люди' [15, с. 345]. В Шурышкарском районе известен род *Катра вош ёх* 'Старого городка народ', который включает две фамилии: Сязи с названием *Ек вош ёх* 'Ледяного городка народ' и Сибарев – с названием *Ур горт ёх* 'Красивого городка народ' [10, с. 186].

В одной из священных песен Медвежьих игр персонажами являются охотники из рода *Тухланг ёх* 'Крылатые люди (народ)'. Здесь наименование связано с происхождением группы людей от орнито-морфного первопредка. Наряду с ним известен и другой, завуалированный этноним *Похранг ёх* [15, с. 343–344]. Представители рода *Похранг ёх* 'Люди острова-бора' (Вандымовы) идентифицируют себя с орланом-белохвостом, который, по родовым преданиям, является их первопредком. На потайном языке основатель рода орлан зовется *Похранг ики* 'Мужчина (Хозяин) острова-бора', отсюда и самоназвание рода. Вероятно, что архаическое самоназвание *Похранг ёх* восходит по времени к более раннему периоду формирования племенной или родовой группы, чем менее конкретизированное *Тухланг ёх*.

Весьма интересны данные о термине «*опрац*», который до сих пор имеет широкое распространение в хантыйском обществе. Его употребляют, когда желают узнать, к какому роду принадлежит тот или иной человек. В традиционной среде часто можно слышать такие фразы: «*Нанг опрацен хуй?* «Твой предок кто?» или «*Нын опрац нэмн муй?* «Ваше предковое (родовое) имя какое?» Под этим словом ханты подразумевают наследственное родовое имя своих предков, т.е. подчеркивается единство происхождения. В литературе этот термин часто переводится аналогично – «предок» [16, с. 159]. В настоящее время на подобные вопросы, задаваемые представителями старшего поколения, представители среднего и младшего возраста обычно называют свою фамилию, а затем, если это необходимо, разъясняют, кто является их предком.

Известны и другие народные бытовые антропонимы, например *шуши хуят* ‘местный человек’, *вулэнг ханнэхо* ‘оленный человек’, *каланг ёх* ‘болотные люди’, *вут ёх* ‘верхние люди’, *послан ёх* ‘проток люди’ и др. Как видно из приведенных примеров, хантыйские названия-этнонимы восходят к различным понятиям. Подобные этнические наименования воспринимались многими поколениями народа совершенно естественно, они отражают специфику традиционного мировосприятия. В целом можно говорить о том, что история хантыйской этнической идентификации является весьма сложной и многосторонней.

После прихода русских в Сибирь, с насаждением ясачной политики и христианизации появляются *пот-нэм* ‘ясачное имя’ и фамилии, которые являлись долгое время неустойчивыми. Эти термины русского происхождения были чужды обским уграм, которые продолжали называть себя своими древними самоназваниями. Окончательно фамилии, образованные в основном от личных имен и отчествов, закрепляются у них примерно с XVIII в. [17, с. 124].

Информация, связанная с этническими самоназваниями хантов, содержится также в архаических фольклорных произведениях народа. Например, в хантыйских мифах и сказках популярна устойчивая формула «*ханты хо, елум хо*», где первая часть *ханты хо* обозначает ‘хантыйский мужчина (человек)’, вторая часть формулы является параллелизмом к первой, точного ее перевода нет. Другое интересное выражение – *торум хо, елум хо* (*торум хо* ‘небесный мужчина (человек)’. Эти определения встречаются в целом ряде фольклорных текстов прошлых и современных изданий. Возможно, что архаичное выражение *елум хо* обозначало некогда собственное имя-этноним. Широкое распространение в фольклоре имеет сказочное выражение по отношению к человеку – *пукнал этум ханты хо* ‘с обрезанным пупом хантыйский мужчина (человек)’. Эта мифологическая формула отделяет собственно человека от мира окружающей его природы (в частности от духов, у которых, в отличие от человека, нет пупа). Она дает яркую характеристику человеку как отдельному биологическому индивидууму и личности.

В фольклоре и мифологии хантов фигурирует древняя этническая общность *сюпар* (*сёпыр, сипыр*) ёх ‘народ (люди) *сюпар*’, в рассматриваемом контексте имеющая значения: народ, род, фамилия. Несмотря на широкое распространение определения *сюпар* как в фольклоре, так и в названиях родов, фамилий, в топонимике, значение его остается не совсем ясным для исследователей. Одна из распространенных версий – слово *сюпар* связано «с древним именем-этнонимом, который, вероятно,

имеет отношение к названию народа *сывыр* или *сибыр, сипыр, савыр*, жившего, по легендам сибирских татар, до их прихода на их территориях по среднему и нижнему Иртышу» [18, с. 152–153]. Не случайно термин *сипыр* известен как синоним к этнониму вогул и выступает как имя прародительницы фратрии *мошь, моньть* [4, с. 238–239]. Среди северных хантов и манси известен легендарный народ *Пастыр ёх*, «половина которого – манси, а половина – ханты» [19, с. 215, 239]. В мифологическом народном сознании сохранилась информация о мифических предках данного народа – это Крылатый *Пастэр* и Ногастый *Пастэр* (Шагом Менква Обладающий Человек) [20, с. 170–171, 432–433]. По мнению В.Н. Чернецова, народ *paster* ведет свое происхождение от мансийского рода *Пастыр махум*, некогда проживавшего по реке Ляпин, где находилось капище «семи крылатых *paster*» [21, с. 27].

В фольклоре восточных групп хантов упоминается таинственный *ар ях* ‘народ (эпических) песен’. Высказано предположение, что здесь речь может идти о далеких предках народа ханты (в народном понимании *ар ях* означает «первобытные люди») [22, с. 9]. В связи с этим интересно отметить, что в языках тюркских народов Волго-Уральского региона – чувашей, татар, башкир – существует этнический термин *ар* для обозначения удмуртского населения [23, с. 5; 24, с. 86]. По сведениям С. Белых, впервые в письменных источниках данный этноним в форме *ару* встречается в 1136 г. у арабского путешественника и миссионера Абу Хамида ал-Гарнати [24, с. 91]. Любопытны сообщаемые им сведения о расположенной по соседству с Булгарией стране («области») Ару, в которой «...охотятся на бобров и горностаев и превосходных белок. А день там летом двадцать два часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров» [24, с. 91]. Упоминание продолжительного светлого времени суток летом говорит о том, что земля эта расположена к северу от Булгарии. По мнению С. Белых, основная масса населения Булгарии в те времена проживала на левобережье Волги и Камы и по левым их притокам, на территории современного Татарстана. «Земли же, расположенные севернее, за Камой, булгары вполне могли называть словом *ару* в значении «та, другая сторона, тот берег; заречье», – заключает С. Белых [24, с. 92]. В своих работах В. Чураков и С. Белых приводят разнообразные версии толкования этого этнонима в трудах многих исследователей.

Среди существующих гипотез для нас большой интерес представляют сообщения некоторых исследователей. В.Н. Татищев считал, что название северного народа *аримасты*, упоминаемого древнегреческим писателем Геродотом, происходит от названия удмуртов-*аров* и их земли Арима, название

которой он переводил с сарматского языка как «крайняя земля», отмечая, что «онный предел был в Европе или Болгарском владении последний к горам Рифейским (т.е. Уральским)» [25, с. 146]. Наибольшее распространение в научном мире получило предположение венгерского ученого М. Жираи, высказанное им в 1937 г., о соответствии этнонима *ар* тюркским словам *eri, er, ir* ‘человек’ [23, с. 7]. Однако некоторые ученые подвергли критике данную этимологию, объясняя это тем, что «...этнонимы типа “человек” употребляются, как правило, в качестве самоназваний, а если и входят в название другого народа, то практически всегда – в качестве компонента сложного слова» [24, с. 90].

Определенный интерес представляют версии о связи этнонима *ар* с индоиранскими лексемами в значении «чужой, чужак, посторонний», «дикий», «истинно чужой» [26, с. 100]. У М. Жираи есть такое объяснение этнонима *ар*: «Ранее многие (этноним *ар*) отождествляли с татарским словом *ар* ‘далекий, далеко’, ссылаясь на то учение, что финно-угры мигрировали на местожительство на р. Вятку из Азии [23, с. 8]. Говоря о городе Арск – центре Арской земли, упоминаемой в русских летописях, С.К. Белых объясняет его название с помощью тюркского слова *арт*, означающего ‘зад, тыл, север’ [24, с. 87].

На наш взгляд, термин *ар* в вышеназванных значениях мог использоваться в качестве этнического названия по отношению не только к древним удмуртам, но и к другим прафинно-угорским народам, которые в древности составляли единую общность. З.П. Соколова, говоря о формировании предков венгров и манси, пишет: «Возможно, первоначально это была единая этническая группа с этнонимом *мадьяр-матар*» [3, с. 57]. Обращает на себя внимание схожесть (созвучие) данного этнического наименования с этнонимом *ар*. Вполне вероятно, что и предки современных обских угров могли идентифицироваться соседними тюркскими народами как люди *ар*, т.е. проживающие на северной стороне по отношению к ним. Со временем этот этноним, по всей видимости, потерял свое первоначальное значение у обских угров и стерся из народной памяти, а смысл его был утрачен или забыт. Но память об этом этническом наименовании сохранилась в архаическом фольклоре и в смутных представлениях народа ханты как отголосок тех давних времен, когда предки финно-угров, являясь единой общностью, занимали огромную единую территорию. На языке хантов отдаленные времена, «очень давние времена» называются образно *аранг йис, моньцанг йис* ‘песенная эпоха, сказочная эпоха’, т.е. времена эти ассоциируются у носителей фольклора с эрой древних эпических песен, с первобытной эпохой. Возможно, этим объяс-

няется приведенный выше факт, что современные ханты объясняют этноним *ар-ях* как «первобытные люди». Нельзя не заметить и созвучие другого названия удмуртов – (*в*)*отяк* – с прежним хантыйским этнонимом *остяк* (см. выше). Как известно, эти похожие наименования двух финно-угорских народов широко использовались в русских официальных документах и научной литературе.

В хантыйском фольклоре сохранилась популярная формула, обозначающая древнюю эпоху *аранг йис, моньцанг йис* ‘песенная эпоха, сказочная эпоха’. В мифах и сказках зафиксированы также устойчивые выражения: *ар тоты хо, мощь тоты хо* ‘песню несущий (ведущий), сказку несущий (ведущий); *ма арэм ки еллы манл, ма моньцем ки еллы манл* ‘если моя песня дальше пойдет, если моя сказка дальше пойдет’. Более того, часто главный герой фольклорно-мифологических произведений называется аналогично *аранг хо, моньцанг хо* ‘песенный мужчина (человек), сказочный мужчина (человек)’. Эти широко распространенные сказочно-мифологические формулы обозначают, что события происходят в отдаленную эпоху – «в пору древних песен и сказок», и пока они звучат, будет жить и хантыйский человек. В современных фольклорных текстах, в особенности при определении и выявлении жанровых разновидностей сказок и преданий очень часто встречаются термины *йис ёх, катра ёх*, что означает ‘древние люди, старые люди’.

В фольклорных произведениях тундровых и лесных ненцев соседи-ханты предстают как особый народ *хаби, кати* [11, с. 168–171; 27, с. 143–162; 28, с. 88, 156–159 и др.]. Ненцы именовали так не только обских угров, но и селькупов, кетов. Первоначально этот термин обозначал «работник» – человек, нанятый пастухом к оленеводу. В дальнейшем данное наименование приобретает этнонимический смысл [29, с. 92]. Согласно Е. Переваловой, «о хаби можно говорить как об относительно компактной и самобытной общности, сложившейся в сочетании угорской, таежно-самодийской и тундрово-ненецкой культур» [10, с. 208]. В ее состав входили ненецкие рода хантыйского происхождения, а также родственные им группы хантов в устье Оби и по берегам Обской губы [10, с. 208]. По сведениям этого же автора, южная группа нижнеобских хантов называет своих северных соплеменников ненецким словом *хаби*, а по-хантыйски – *молай ёх*. В свою очередь ханты северной группы именуют южных соседей по-ненецки *нум хати*, что в переводе означает верхние хаби [10, с. 155]. По устным сообщениям лесных (нумтовских) ненцев, на их диалекте ханты именуются *кати*, подтверждение этому мы находим в работе Г.Д. Вербова, написанной в 1930-е гг. [11, с. 30]. Подобное встречается нередко и в других фольклорных источниках, из-

данных до закрепления современного этнонима хантов.

Следуя методу З.П. Соколовой, все приведенные выше этнические названия можно условно разделить на несколько категорий со следующими терминами: 1) *эх*; 2) *сир*; 3) *хо* (сюда же отнесём *ики*); 4) *нэ* (*ими*); 5) *ханнэхо* (*хуят*); 6) *опрац-нэм*; 7) *поч* (*пуч*); 8) *рут*; 9) *мир*; 10) *пот-нэм*. Помимо этого для обозначения своей принадлежности к определенному роду применялись собственные родовые имена (прозвища), а позже, с XVIII в., и сами фамилии, которые на первоначальном этапе являлись для хантов формальными. Перечисленные выше этнонимы и антропонимы могли встречаться в различных сочетаниях, касающихся этнической принадлежности человека – как в обыденной жизни, так и в фольклоре. Проведенный нами анализ хантыйских наименований показывает, что одновременно у одного рода или группы могли сосуществовать несколько самоназваний, и наоборот, несколько фамилий (родов) носили одно родовое имя. По мнению З.П. Соколовой, «сосуществование одновременно двух или трех самоназваний у одной группы говорит за то, что период их возникновения был весьма длительным и сравнительно поздним» [17, с. 134].

Как отмечают исследователи, в процессе этнической истории у многих народов существовало несколько «уровней (видов) самоидентификации» [30, с. 331; 6, с. 112–113; 1, с. 56]. Согласно этому можно констатировать, что народ ханты на разных этапах исторического развития имел следующие основные виды идентификации:

1 – наиболее общий термин в научной литературе – обские угры; 2 – по территориальной этнографической группе; 3 – по названиям диалектов; 4 – по экзогамным группам; 5 – по месту жительства (наиболее часто – по названиям рек, по селениям (юртам); 6 – родовая самоидентификация (родовые названия могли быть связаны с местностью, с зоо- и антропоморфными предками, с особыми приметами внешности, характера и т.д.); 7 – по ясным именам; 8 – по фамилиям; 9 – по данным фольклорных источников; 10 – по названиям, которые даны соседними народами; 11 – современный официальный этноним «ханты», закрепленный в годы советской власти.

Очевидно, здесь приведены не все наименования, идентифицирующие народ ханты. Мы лишь обозначили наиболее распространенные названия хантыйской общности, отождествляемые с национальностью народа.

Итак, из приведенных материалов вытекает, что у хантыйского народа до закрепления единого этнонима было несколько различных названий. В разные исторические отрезки времени существовали наименования, связанные с географическим расположением, языковыми особенностями, общественным социальным устройством, духовными культурными традициями, а также с названиями, данными соседними народами и учеными-исследователями. Л.И. Миссонова и З.П. Соколова отмечают, что часто в закреплении и признании многих этнонимов значительную роль сыграли деятельность ученых-этнографов, а также государственная национальная политика [2, с. 138–139]. Это хорошо просматривается и на примере исследуемого нами народа. В то же время в формировании национального самосознания и этнической принадлежности четко проявляется духовное богатство народа и национальный дух или характер «как наиболее яркое представление самоидентификации этноса» [31, с. 6, 8–9]. Таким образом, многоуровневый характер идентичности хантыйского этноса имеет множественные устойчивые и взаимодополняющие версии.

В последние годы, в условиях ассимиляции народа, урбанизации культуры, угасания традиционного уклада жизни и, как следствие, нарушения ценностных ориентаций этнообразующим фактором все больше становится духовная культура. Народная память о тысячелетней истории и культурных традициях находит отражение прежде всего в фольклоре – богатом духовном наследии, передающемся устно из поколения в поколение. Образно говоря, фольклор – это тот надежный священный «островок», где в бурном, стремительно развивающемся обществе, хантыйский человек находит душевное равновесие, радость общения с миром своих предков и осознание того, к какому роду-племеню он принадлежит.

Поступила в редакцию 27.09.2006

Литература

1. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
2. Миссонова Л.И., Соколова З.П. Феномен устойчивости этнической идентификации // Этнографическое обозрение. 2006. № 1.
3. Соколова З.П. К происхождению современных манси // Советская этнография. 1979. № 6.
4. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35.
5. Соколова З.П. О сложении этнографических и территориальных групп у обских угров // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
6. Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е – первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5.

7. Лукина Н.В. Фольклор в культуре обских угров // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9.
8. Зуев В.Ф. Материалы по этнографии ненцев и хантов // Колумбы земли русской. Хабаровск, 1989.
9. Золотарёв А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
10. Перевалова Е.В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.
11. Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // Совесткая этнография. 1939. № 2.
12. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21.
13. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1977.
14. Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. Etnos, 1938. № 4, 5.
15. Успенская С.С. Хантыйские сказители как хранители фольклорной традиции // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005.
16. Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № 6, 7.
17. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
18. Дмитриева Т.Н. Мифы и реальность в топонимических легендах казымских ханты // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001.
19. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
20. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и прим. Н.В. Лукиной. М., 1990.
21. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // Советская этнография. 1939. № 2.
22. Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова. Томск, 2000.
23. Чураков В. О значении этнонима ар // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 4.
24. Белых С. Еще раз об этнониме ар // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. № 3.
25. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1.
26. Алатырев В.И. Этимологический словарь удмуртского языка. А, Б. Ижевск, 1988.
27. Пушкарёва Е.Т. Тирлей // Фольклор и этнография народов Севера. Л., 1986.
28. Фольклор ненцев / Сост. Е.Т. Пушкарёва, Л.В. Хомич. Новосибирск, 2001.
29. Головнёв А.В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.
30. Батьянова Е.П., Функ Д.А. Телеуты // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
31. Тишков В.А. О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

УДК 39:316.7(571.1)

А.Г. Тучков

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ У ЮЖНЫХ (НАРЫМСКИХ) СЕЛЬКУПОВ В 1920–30-Е ГОДЫ¹

Томский государственный педагогический университет

В центре внимания нашей статьи – южные селькупы как особое национально-территориальное этнолингвистическое образование с исторически сложившимися компонентами традиционной культуры и языка. Задачей данной работы является анализ социально-экономических и коммуникативных факторов, влияющих на жизнеспособность языка и состояние (динамику) языковой ситуации. К таким экстралингвистическим факторам относятся прежде всего: территория проживания этноса, его численность, возраст носителей языка; характер бра-

ков и функционирование языка в семье, воспитание детей дошкольного возраста, преподавание родного (национального) языка в школах. Каждый из них является безусловным диагностическим параметром, определяющим степень доминирования родного языка, своего рода гарантом его развития и функционирования.

Работа продолжает начатые ранее автором исследования по проблеме состояния традиционной культуры южных селькупов [1–3]. В основе статьи лежат материалы 1920–30-х гг. Государственного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ «Коренные малочисленные народы Севера земли Томской: судьбы традиций и языка» № 05-01-64102а/Т.